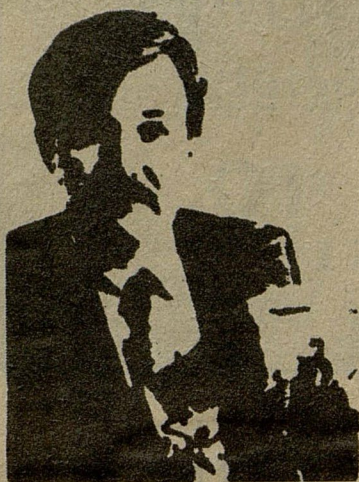

Киселев Евгений Алексеевич — тележурналист.
Год рождения — 1956-й.
Образование — Институт стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова.
Специальность — историк-востоковед.
Семейное положение — женат, имеет сына.

МИЛЫЙ, ДОРОГОЙ, ЛЮБИМЫЙ, ЕДИНСТВЕННЫЙ...

Раздраженному обывателю, не успевшему как следует отдохнуть за два безвыходных выходных, наверное, доставляет удовольствие воскресным вечером, развалившись перед телевизором, обжигая язык бесцветным чаем, наблюдать, как кто-то в это время вкалывает. И, несмотря на настырные оклики домочадцев переключить на другую программу, он с любопытством еще минут пять обязательно будет разглядывать молодежь, запыхавшегося, сдувающего капелюшку пота с усов, очень интеллигентного, в выразительном, как заставка передачи, галстуке, ведущего.

А на утро в метро, случайно вдруг увидев в вагонной толпе знакомое телевизионное лицо, растолкав досыпающих стоя пассажиров локтями, проберется к нему, и радостно, упиная собственным открытием, спросит: «Это ты?» «Нет, — ответит скромный ведущий, — не я». «Да брось притворяться, я тебя узнал, ты «Спокойной ночи, малыши!» ведешь...»

Эту метрошутку Евгений Киселев — автор и ведущий телепередачи «Итоги» — очень любит рассказывать, когда ему задают вопрос о преследующей популярности. Когда же речь идет о социальном составе «итоговой» аудитории, он говорит, что передачу «в первую очередь смотрят 80—90 процентов «властных людей» — политики, депутаты, министры, вице-премьеры и также плюс интеллигенция».

То есть передача эта для государственной элиты.

Это момент принципиальный, потому что на меньше Киселев, кажется, не согласен. Хватит, натерпелся, как говорится, по жизни вдоволь. Он, как это водится в подобных историях, талантливый и ранимый, сын авиационных металлургов, решил однажды стать известным гуманитарием и поступил, наперекор родительскому желанию, в Институт стран Азии и Африки при МГУ. В то не очень еще далекое время это учебное заведение было своеобразным филиалом высшей школы КГБ, где азы нескольких экзотических языков и общепартийные дисциплины постигали сыновья (девочек в институт не брали) тех, кто за свое социально-бытовое и общественное положение был искренне благодарен существующему строю. Киселев на фоне чад ответственных работников выглядел эталом социальным изгоем. Те незначительные преимущества, которые он заслужил упорным трудом, хорошей учебой и примерным поведением, отнюдь не давали ему гарантии удачного распределения и последующего жизненного благополучия. Вот тут-то, по его признанию, и возник комплекс социальной неполноценности, преодолеть который стало, кажется, основной задачей его жизни.

Окончив институт историком-востоковедом со знанием персидского языка и офицером госбезопасности, Киселев готовился было влиться в славный «тассовский» корпус, но его «подвел язык».

Началась война в Афганистане. Ограниченному контингенту нужны были переводчики.

...Через два года о нем уже все забыли — в ТАСС работу не предлагали, в АПН своих хватало, МИД — это вообще мечта... Помнили только там, где по долгу службы забывчивостью не страдают. И Киселев, внутренне протестуя, перешагивая через самолюбие, расставаясь на время с честолюбивы-

ми замыслами, скромненько согласился преподавать в высшей школе КГБ персидский язык будущим разведчикам. Так что к середине 80-х, когда его сокурсники уже снимали пенки с государственной службы, Киселев был еще никто. Комплекс неполноценности грозил перерасти в хронический.

Как это всегда бывает, спасение приходит вдруг. В 1987 году преподаватель персидского сменил место работы. Принадлежность к международному отделу программы «Время», в то время элитного подразделения Центрального телевидения, давала ему право почти на равных общаться с сокурсниками, не скрывать из-за конспиративных соображений места службы и удовлетворяла собственное честолюбие. Но самое-то главное — острые приступы неполноценности случались все реже и реже, пока с первыми эфирными пробами и началом общения с сильными мира сего практически совсем не исчезли.

Хотя, говоря откровенно, и сейчас в минуты душевных потрясений, когда набегают тоска и гложат сомнения, нет-нет и подкатят предательские мыслишки о собственном несовершенстве. Но чаще, упиная нынешним информационным величием, приходится даже немного осаживать себя на наиболее славостремительных поворотах своей телекарьеры. И тогда, откровенничает Киселев, он так строго про себя произносит: «Милый мой, дорогой, любимый, единственный, у тебя все плохо. Ты халтуришь». Это самобичевание, конечно, маленький секрет. На людях он сильный, уверенный, особо-приближенный. Который невзначай, может, поглаживая ус, сказать: «Вот встретался я как-то с Гайдаром... Явлинским... Горбачевым... Ельциным...»

Имеет право. Одно время по Москве ходили слухи, что сам Президент согласует свои действия с мудрым телеведущим, и он способен даже влиять на российскую политику.

Слухи слухами, но некоторые политические деятели откровенно его побаиваются. Оставим в покое некорректное злословие политических оппонентов, но позиционное преимущество в борьбе с «информационным богом» Михаилом Полтораниным действительно впечатляет.

Кстати, о политических взглядах. Создание «итоговой» информационной программы, не оценивающей, а беспристрастно констатирующей события, конечно же, затея не новая. Но хороший пример тоже заразителен. Только вот дело в том, что в нашей стране даже в независимой телекомпании, к сожалению, над схваткой оставаться тяжело. Обязательно кто-то перед входом на работу грубо и нетерпеливо схватит за рукав пиджака и скажет, угрожающе сжимая кулаки: «Что ж ты, гад, все в одну дуду дуешь». И ты обязательно обидишься.

Потому приглашать в передачу экспертов — отличная авторская задумка. Мнение многих — это уже не мнение одного. А подбирать «мотиваторов» можно по собственному усмотрению, доверившись телефонным исследованиям фонда «Общественное мнение» и прислушиваясь к стуку дверей в коридорах власти...

И тогда спокойно и уверенно, уже совсем не комплексуя, с полным правом везде и всюду можно говорить: «Я — ведущий».

Дмитрий БЕЛОВЕЦКИЙ.